

УДК 327.8

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ «ЭКСПАНСИЯ» НА БАЛКАНЫ

© 2024 АРЛЯПОВА Елена Сергеевна

Кандидат политических наук

Институт системно-стратегического анализа

111398, Россия, Москва, ул. Кусковская, д. 16, E-mail: elena.s.arlyapova@gmail.com

© 2024 ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна

Доктор политических наук,

Московский государственный институт международных отношений

(университет) МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76, E-mail: nastya304@mail.ru

Поступила в редакцию 25.01.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. Ближневосточные государства включались в «Балканскую игру» в разное время, но с 1990-х гг. все ключевые акторы исламского пула присутствуют в региональной повестке. Наибольшую активность они проявляют в Албании, Боснии и Герцеговине, Северной Македонии, Сербии, Черногории и «Республике Косово». Восточные игроки не вступают в открытую конкуренцию за влияние на Западных Балканах с устоявшимися лидерами – ЕС, США, Россией, Британией и Китаем, но активно наращивают свое присутствие. Главными сферами проникновения остаются экономическая (здесь особенно преуспели монархии Персидского залива – Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Кувейт и Бахрейн), культурно-идеологическая (Турция и Иран) и религиозная (все ближневосточные игроки в той или иной степени). Характер их отношений – состязательный. Стратегии отличаются, но имеют ряд общих черт: практически одновременное начало продвижения в регионе, фокус на местных мусульманских общинах и последующий отход от императива единоверия, схожие отрасли и методы внедрения, общие риски и проблемы. Предпочтение в двустороннем взаимодействии отдается инвестиционно-экономическим и гуманитарным с упором на исламскую инфраструктуру инициативам. Совместные проекты часто лишены транспарентности и уязвимы для критики и вмешательства со стороны более сильных внешних игроков. Однако политика «мягкой силы» восточных акторов гибка и адаптивна, что обеспечивает их дальнейшее закрепление на Западных Балканах.

Ключевые слова: Западные Балканы, ближневосточные игроки, Иран, Турция, Саудовская Аравия, стратегии влияния, ислам на Балканах, «мягкая сила»

DOI: 10.31857/S0201708324050103

Пятерка ключевых внешних акторов на Западных Балканах в лице Британии, Евросоюза, Китая, России и США прочно удерживает занятые позиции. Однако в регионе растет влияние игроков второго плана: Ирана, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Турции, Катара, Кувейта, Бахрейна и Омана. Развитие балканского направления во внешнеполитической деятельности ближневосточных субъектов связано с общей активизацией мусульманских государств в региональных и международных делах и усилением религиозного (исламского) фактора.

Актуализация исламской повестки в Европе и мире проходила на фоне мощных антизападных настроений в мусульманской среде. Их апогеем стало Исламское государство (ИГ)¹, создавшее (по примеру «Аль-Каиды»)² «грандиозную воображаемую систему, в которой изображало себя как завоевателя и победителя Запада»³. Отторжение сущности и методов ИГ мировым сообществом не отменяет понимания организации как формы «реакции на западные секуляризм и демократию» [Van Aarde, 2018: 2]. Оба явления трактуются частью современного Востока как иностранное навязывание и инструмент колониализма, направленные на разрушение основ мусульманской веры и культуры [Van der Walt, 2007: 161–162].

Несмотря на отсутствие причинно-следственной связи колониального наследия и деятельности современных радикалов⁴, такие убеждения необходимо принимать во внимание при анализе внешнеполитических действий восточных игроков. Особенно это касается Балканского региона, где присутствует большое количество мусульманских общин, восприимчивых к транслируемым извне посылам. Западные Балканы уже становились зоной рекрутинга и перевалочной базой боевиков, а идеи Балканского халифата формировались в регионе не одно десятилетие [Димитровска, 2019: 30, 134]. Местная специфика увеличивает риски: перенасыщенность региона оружием, разнонаправленная память [Rohtberg, 2000] и негативные последствия кровопролитных войн (в виде дистанцирования по отношению к иным этническим и религиозным группам), что способствует «нарастанию “шумности” дискурса» [Белов, 2022: 8] как исторического, так и политического.

Ислам как фактор присутствия

На Западных Балканах проживает около 5,5 млн мусульман, что составляет около трети общего числа жителей: 1,1 млн – в Албании⁵ (из 2 402 113 чел.¹),

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

² Запрещенная в России террористическая организация.

³ Roy O. Who are the new jihadis? The Guardian. 13.04.2017. URL: <https://www.theguardian.com/news/2017/apr/13/who-are-the-new-jihadis> (дата обращения: 20.01.2024).

⁴ Там же.

⁵ Albania. Population: Demographic Situation, Languages and Religions. Eurydice. European Commission. 14.08.2024. URL: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/national-education-systems/albania/population-demographic-situation-languages-and-religions> (дата обращения: 15.09.2024).

1,8 млн – в Боснии и Герцеговине² (из 3,2 – 3,8 млн по различным данным³), почти 1,5 млн – в Косово (из предположительных 1 586 659 чел. по еще не опубликованным полностью данным переписи 2024 г.)⁴, около 600 тыс. – в Северной Македонии (из 1 836 713 чел. по переписи 2021 г.)⁵, около 280 тыс. в Сербии⁶ (из 6 647 003 чел. по переписи 2022 г.)⁷ и 127 тыс. в Черногории (из 633 158 чел. по переписи 2023 г.)⁸.

Ислам используется внешними игроками в качестве инструмента «мягкой силы» (и не только, если мы говорим о проблеме иностранных боевиков [Корра, 2021: 251]). В отличие от многих других регионов, Балканы остаются зоной, где религия сохраняет значение. Исследователи фиксируют «слабую секуляризацию общества и особую роль религии в этническом самосознании» [Попадьева, 2021: 63]. Согласно проведенному в 2018 г. исследованию, около 60% респондентов на Западных Балканах назвали себя религиозными людьми. В Косово и Северной Македонии этот показатель составляет 80%⁹ (для сравнения: в континентальной Европе, за исключением Италии, – 30–40%). Религия активно участвует в разграничении балканских сообществ [Kuchukov, 2018: 3]. Если бы в регионе дело дошло до создания союзных блоков, то они, по мнению аналитиков, формировались бы на религиозной основе [Калоева, 2017: 178].

¹ Censi 2023, publikohen të dhënat e besimit fetar. Shqiptarja. 28.06.2023. URL: <https://shqiptarja.com/lajm/censi-2023-publikohen-te-dhenat-e-besimit-fetar-mbi-200-mije-qytetare-te-pacilesuar> (дата обращения: 15.09.2024).

² Bosnia and Herzegovina. Population: Demographic Situation, Languages and Religions. Eurydice. European Commission. 27.11.2023. URL: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/national-education-systems/bosnia-and-herzegovina/population-demographic-situation-languages-and> (дата обращения: 15.09.2024).

³ 2021 Report on International Religious Freedom: Bosnia and Herzegovina. U.S. Department of State. P. 3. URL: <https://www.state.gov/reports/2021-report-on-international-religious-freedom/bosnia-and-herzegovina/> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴ Preliminary census results in Kosovo: What statistics revealed and concealed. Kosovo Online. 16.07.2024. URL: <https://www.kosovo-online.com/en/news/analysis/preliminary-census-results-kosovo-what-statistics-revealed-and-concealed-16-7-2024> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵ Republic of North Macedonia. Population: Demographic Situation, Languages and Religions. Eurydice. European Commission. 27.11.2023. URL: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/national-education-systems/republic-north-macedonia/population-demographic-situation-languages-and> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶ 2023 Report on International Religious Freedom: Serbia. U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/04/547499-SERBIA-2023-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷ Final results of the innovative census. EU in Serbia. 03.05.2023. URL: [https://europa.rs/final-results-of-the-innovative-census/?lang=en#:~:text=According%20to%20the%20final%20results,3%2C231%2C978%20\(48.6%20percent\)%20men](https://europa.rs/final-results-of-the-innovative-census/?lang=en#:~:text=According%20to%20the%20final%20results,3%2C231%2C978%20(48.6%20percent)%20men) (дата обращения: 15.09.2024).

⁸ Preliminarni rezultati popisa stanovništva, domaćinstava i stanova u 2023 godini. MONSTAT. 25.01.2024. URL: <https://www.monstat.org/uploads/files/popis%202021/pr.podaci/Preliminarni%20rezultati%20popisa%205.01.2024.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁹ Bechev D., Öztürk A.E. Competing over Islam: Turkey, Saudi Arabia, and Iran in the Balkans. Middle East Institute. 11.01.2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/competing-over-islam-turkey-saudi-arabia-and-iran-balkans> (дата обращения: 20.01.2024).

Вместе с тем приводимые линии противостояния не вполне верны, в частности между исламской осью в лице Турции, Албании, Косово, Боснии и Герцеговины (БиГ) и православной – в лице Греции, Болгарии и Сербии. Во-первых, из-за этноконфессиональной специфики конфронтация не может быть столь прямолинейной с разграничительной чертой по границам стран. Эта модель слабо учитывает современный тренд на сближение различных в конфессиональном смысле внутренних и внешних игроков, например, мусульманских Турции (сунниты) и Ирана (шииты) с православной Сербией. Партнерство Тираны и Вашингтона также иллюстрирует этот тезис. Пример Албании дает возможность увидеть обратный сближению процесс. Ориентация страны на Запад в ущерб отношениям с единоверцами (речь не только о проблемах с Ираном, но и с Турцией) свидетельствует не в пользу мусульманской оси.

Во-вторых, в рамках предложенной модели из фокуса выпадают этноконфессиональные анклав. В них наблюдается самый высокий уровень этнорелигиозной нетерпимости [Massey et al., 1999: 669]. Представители большинства, оказавшиеся в меньшинстве (внутри анклава), из-за «негодования и ограничения своей власти проявляют большую нетерпимость, чем в любой другой ситуации», а представители меньшинства, с одной стороны, чувствуют свою власть на данной территории, с другой – испытывают тревогу из-за своего статуса. Терпимость последних становится ниже, чем при рассредоточенном проживании среди большинства населения [Massey et al., 1999: 669].

В-третьих, взаимодействие локальных игроков с вовлеченными в региональную повестку внешними представителями исламского мира не сводится только к религиозной проблематике и прямо или косвенно связанным с ней вопросам безопасности. По этой причине речь идет о «различных осях... под патронажем тех или иных великих держав» [Калоева, 2017: 178] и более сложных моделях отношений. В пользу этого говорят процессы сближения и отдаления (иногда вплоть до отторжения) мусульманских игроков и немусульманских политий и правительств. Например, Албания, где не только мусульманская, но и католическая и православная религиозные общины рассматривались исключительно с позиции агентов внешнего влияния: Турции, Ватикана и Греции, соответственно.

Что же касается использования ислама как фактора присутствия, то прежде всего речь идет о строительстве мечетей и формировании гуманитарных сетей посредством фондов и медиа, в т. ч. цифровых. С 2013 г. на Балканах активно развивается т. н. маршрут мечетей (“*џамијска рута*”) – путь, по которому мигранты из Азии пытаются попасть в западноевропейские страны. Он проходит через Албанию, Черногорию или Сербию, БиГ и Хорватию. Название маршрута обусловлено строительством разветвленной сети мечетей, обеспечивающих мусульманам из стран Ближнего Востока материальную, логистическую и информационную поддержку¹. В строительство культовых сооружений активно вкладывают

¹ Настаје “џамијска рута” миграната. РТС. 01.06.2018. URL: <http://www.rts.rs/page/stories/ci/story/3/region/3156514/nastaje-dzamijska-ruta-migranata.html> (дата обращения: 10.07.2024).

ся компании из Турции, Королевства Саудовская Аравия (КСА), Катара и ОАЭ. Точкой входа на Балканы для Саудовской Аравии стала Босния. С 1991 г. в Сараеве построено 140 мечетей, включая мегамечеть Короля Фахда¹. При ней в 2006 г. открыт крупнейший в регионе культурный центр, включающий лекционные залы, библиотеку, спортивные залы, компьютерный блок и классы для обучения арабскому языку. На открытие приезжал король Абдуллах ибн Абдулазиз ас-Сауд. С 2003 по 2013 гг. саудиты израсходовали около одного млрд евро на распространение ислама на Балканах: «600 млн было потрачено на строительство мечетей, на оплату мужчинам премий за ношение бороды, женщинам за ношение бурки, на оплату стипендий и поездок на учебу в Саудовскую Аравию для обучения исламу» [Димитровска, 2019: 163]. Аналогичная ситуация в Косове, где после 1999 г. на деньги королевского дома Саудов построены 240 мечетей. Всего в крае насчитывается 800 мечетей².

Наибольшим вниманием и покровительством Эр-Рияда пользуется Сараево – «Балканский (и даже больше – Европейский) Иерусалим» – и Босния и Герцеговина в целом. Финансируемые КСА изменения коснулись не только внешнего вида зданий, «затмивших более скромные старинные мечети столицы Боснии, оставшиеся со времен Османской империи»³. Сильно «изменилось и то, что проповедовалось внутри»⁴. Отчеты структур ЕС, специализирующихся в области безопасности, фиксируют распространение ультраконсервативной доктрины ваххабизма в регионе посредством мечетей, медресе и школ, финансируемых саудитами. Последствия инвестиций КСА в систему образования и культуры – отдельная проблемная зона в Европе, а также источник беспокойства традиционных игроков на Балканах⁵.

Босния и Герцеговина остается также главной зоной присутствия Ирана в регионе, несмотря на то что позиции Тегерана далеки от 1990-х гг. [Пономарева, Арляпова, 2024: 238]. В БиГ функционируют несколько иранских центров. Значительную, прежде всего, молодежную аудиторию привлекают высококачественные цифровые ресурсы (например, сайт Фонда Муллы Садры). Из Сараева иранские структуры транслируют активность на Сербию, с которой Тегеран смог выстроить особые связи. Сербское министерство иностранных дел характеризует отношения как «хорошие, с регулярными контактами между официальными лицами и

¹ Одновременно в здании мечети могут молиться 1500 чел., еще 850 чел. – разместиться во дворе. Высота купола – 20 м, диаметр – 18, высота двух минаретов – 46 м.

² Gall C. How Kosovo Was Turned Into Fertile Ground for ISIS. The New York Times. 21.05.2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/05/22/world/europe/how-the-saudis-turned-kosovo-into-fertile-ground-for-isis.html?_r=1 (дата обращения: 10.07.2024).

³ Мечеть короля Фахда в Сараево – крупнейшая на Балканах. Исламосфера. 16.07.2020. URL: <https://islamosfera.ru/mechet-korolya-faxda-v-saraevo-krupnejshaya-na-balkanah/> (дата обращения: 10.07.2024).

⁴ Saudi Arabia in the Western Balkans. At a Glance. Briefing European Parliamentary Research Service. 11.2017. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA\(2017\)614582_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/614582/EPRS_ATA(2017)614582_EN.pdf) (дата обращения: 15.09.2024).

⁵ Там же.

взаимной поддержкой в международных организациях»¹. Существенную роль в этом играет непризнание Ираном Республики Косово. Иранский центр культуры при посольстве в Белграде много внимания уделяет просветительской работе не только в сербской среде. Популярный в мусульманских кругах журнал «Нур» начинал издаваться на сербском языке, а четыре его номера были опубликованы на албанском. Это издание иранцы «рассылали каждому текке², каждому шейху, а также мусульманским интеллектуалам... В отличие от простых и популярных выступлений религиозных лидеров косовских мечетей и теккешей, дискурс иранских богословов казался более изощренным и более философски сформулированным»³.

К вышесказанному следует добавить начавшееся менее десяти лет назад «туристическое безумие»⁴ в БиГ. Причины связаны не только с началом войны в Сирии и общей дестабилизацией на Ближнем Востоке, в результате которых стали недоступны или небезопасны привычные места отдыха ближневосточных семей – Египет, Ливия и Тунис. Роль в развитии туризма сыграли культура и инфраструктура БиГ, «комфортная для туристов-мусульман»⁵. Запрос аудитории из монархий Персидского залива на высокий уровень жизни с роскошными виллами и апартаментами, халяльными супермаркетами и мусульманскими молитвенными зонами привлекает инвесторов и девелоперов из мусульманских стран. В 2016 г. Саудовская Аравия попала в число самых заметных из них с 17,2 млн евро вложений, опередив Турцию и Кувейт с 15,4 и 15,1 млн евро, соответственно, но уступив ОАЭ с 33,7 млн евро. Объединенные Арабские Эмираты занимают третье место в общем ряду зарубежных инвесторов⁶. Таким образом, Османское наследие находит коммерческое применение и служит инструментом для всех восточных игроков.

«Треугольник силы»:

Турция, Саудовская Аравия, Иран в борьбе за влияние на Балканах

Исламский лагерь, представленный на Балканах, далек от единства. Например, свойственные ряду государств антизападная риторика и (реже) действия могут иметь разные мотивацию и целеполагание. Например, если антиамериканизм

¹ Iran. Bilateral Relations. Ministry of Foreign Affairs of Republic of Serbia. URL: <https://www.mfa.gov.rs/en/foreign-policy/bilateral-cooperation/iran> (дата обращения: 10.07.2024).

² Текке – обитель, приют для суфиев, дом.

³ Bercolli L. Iran's Cultural Hegemony in Western Balkans. IRAM. 09.2021. URL: https://iramcenter.org/uploads/files/IranYs_cultural_hegemony_in_Western_Balkans.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

⁴ Gulf tourism frenzy in Bosnia delights business, polarizes locals. Reuters. 21.08.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-bosnia-arabs-investment/gulf-tourism-frenzy-in-bosnia-delights-business-polarizes-locals-idUSKCN10W08L> (дата обращения: 10.07.2024).

⁵ Green hills and minarets: Why Bosnia and Herzegovina is a draw for Gulf tourists. ArabNews. 03.02.2017. URL: <https://www.arabnews.com/node/1048361/travel> (дата обращения: 12.07.2024).

⁶ Western Balkans at the Crossroads: Assessing Non-Democratic External Influence Activities. Briefing Paper III: External Influence in the Economic Sphere. Prague. Security Studies Institute. 2019. P. 26. URL: https://www.balkancrossroads.com/_files/ugd/2fb84c_6ed14dd1891f434ab74ec47c16b22606.pdf (дата обращения: 12.07.2024).

Ирана – это «одна из базовых основ государственной идеологии», то Турция «долгое время была членом западного международного сообщества, и процессы вестернизации или европеизации продолжают формировать еще идущую трансформацию турецкой идентичности»¹. Турецкий государственный и политический деятель, премьер-министр страны с 2014 по 2016 гг. А. Давутоглу проводит аналогию с луком и стрелой, в которой Турция «с ее идейными и географическими преимуществами, является лучником, и чем больше она натягивает тетиву лука на восток, тем дальше стрела летит на запад» [Колот, 2021]. Таким образом, Тегеран нацелен на прямую конфронтацию, а Анкара – на замаскированный торг с партнерами. С учетом этого формируется ответная позиция, прежде всего американская. По Ирану она остается жесткой². В отношении Анкары позиция внешнеполитического ведомства США сформулирована мягко и звучит следующим образом: «в наших интересах сохранить привязанность Турции к евроатлантическому сообществу»³. Эта схема действует как для более широкого международного контекста, так и для Западных Балкан.

Помимо разного положения государств исламского мира в международной системе координат, а также дружественных (или недружественных) отношений с доминирующими в регионе внешними акторами, существует проблема состязательности ближневосточных игроков друг с другом. Череда открытых вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии с активным участием местных мусульман способствовала значительному росту числа поддерживающих, сочувствующих и т. п. мусульманских политий. В составе внешних субъектов на постоянной или временной основе оказывались Египет, Иордания, Иран, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия, Турция. Конкуренция за человеческие и другие ресурсы неизбежна, но она не отменяет сотрудничества и создания в региональных рамках военных союзов исламских стран. Арабо-мусульманское сообщество консолидировалось и ранее в ходе боснийского и косовского конфликтов для совместной деятельности по изменению международной повестки и формированию соответствующего медиа-поля [Энтина, Синопальников, 2020: 132–133].

Тем не менее основной характер взаимодействий восточных акторов в регионе – состязательный. Главный «треугольник силы» включает Турцию, Саудовскую Аравию и Иран. Считается, что степень их влияния на Западных Балканах соответствует порядку, в котором они перечислены⁴. У этих игроков много общего: от ареала происхождения до использования ислама как инструмента во внешней политике и, в частности, в балканской региональной стратегии. Иран считается от-

¹ Oğuzlu T. The West should understand that Turkey is different from other rising powers. Daily Sabah. 27.01.2020. URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/the-west-should-understand-that-turkey-is-different-from-other-rising-powers> (дата обращения: 20.01.2024).

² A Guide to the United States' History of Recognition, Diplomatic, and Consular Relations, by Country since 1776: Iran. U.S. Department of State. Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/countries/iran> (дата обращения: 22.01.2024).

³ U.S. Relations With Turkey (Türkiye). U.S. Department of State. Bureau of European and Eurasian Affairs. 09.01.2023. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-turkey/> (дата обращения: 21.01.2024).

⁴ Bechev D., Öztürk A. E. Competing over Islam.

стающим по присутствию и влиянию. Это объясняется целым рядом объективных причин, начиная от значительно меньшей аудитории, восприимчивой к шиитско-исламскому нарративу и заканчивая общемировой неблагоприятной конъюнктурой для «государства-изгоя».

Однако с точки зрения инструментального отношения к религии позиции Анкары, поставившей ислам в центр турецкой политики не раньше 2016 г., не выглядят столь прочными. По глубине охвата целевой аудитории Иран иногда переигрывает соперников даже на суннитском поле. Для суннитских монархий, Турции и Ирана Западные Балканы – это самостоятельный рынок (в максимально широком понимании: рынок идей, «халяльной» продукции, энергоносителей и т. д.) и доступ на европейский рынок. Вопрос покровительства балканских мусульман прагматический и не в меньшей степени экономический, чем культурно-религиозный.

Турция экономически доминирует в регионе среди всех восточных игроков. Исключением выступает только экспорт КСА в БиГ. К этому следует добавить рост объема турецких инвестиций в страны региона. Например, Турция занимает 4-е место в списке инвесторов в экономику Албании (общая стоимость проектов – 1,1 млрд долл.)¹, 6-е место – Черногории (55,4 млн долл.)², 7-е место – Северной Македонии (1,3 млрд долл.)³ и Косово (296,5 млн долл.)⁴. Турецкие вложения в БиГ скромнее, чем в Македонию и Косово – 250 млн долл., но это компенсируется связями Р. Эрдогана с политиками в Сараеве: «мы поддерживаем Боснию и Герцеговину во всех областях»⁵. О том, что не ислам является главным фактором притяжения, а объем и потенциал экономики, свидетельствует тот факт, что объектом инвестиций для Анкары стала православная Сербия: за последние десять лет объем инвестиций в Сербию вырос с одного млн долл. до 400⁶.

Религия выступает важным инструментом «мягкой силы»: ведущие исламские державы «экспортируют и эксплуатируют веру во имя власти»⁷. При этом устремления и действия восточных акторов не сводятся исключительно к ислам-

¹ The influence of external actors in the Western Balkans: A map of geopolitical players. Konrad Adenauer Stiftung. 11.09.2018. URL: <https://www.kas.de/en/web/guest/single-title/-/content/der-einfluss-externer-akteure-auf-dem-westbalkan-v7> (дата обращения: 12.07.2024). Деятельность организации признана нежелательной на территории России.

² Relations between Türkiye and Montenegro. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: <https://www.mfa.gov.tr/reasons-between-turkiye-and-montenegro%20.en.mfa> (дата обращения: 09.07.2024).

³ Relations between Türkiye and North Macedonia. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: https://www.mfa.gov.tr/reasons-between-turkey-and-macedonia_.en.mfa (дата обращения: 09.07.2024).

⁴ Relations between Türkiye and Kosovo. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: https://www.mfa.gov.tr/reasons-between-turkiye-and-kosovo_.en.mfa (дата обращения: 09.07.2024).

⁵ We will continue to stand with Bosnia and Herzegovina. Presidency of the Republic of Türkiye. 2022. URL: <https://www.tcgb.gov.tr/en/news/542/139433/-we-will-continue-to-stand-with-bosnia-and-herzegovina> (дата обращения: 11.07.2024).

⁶ Relations between Türkiye and Serbia. URL: <https://www.mfa.gov.tr/reasons-between-turkiye-and-serbia%20.en.mfa> (дата обращения: 12.07.2024).

⁷ Bechev D., Öztürk A. E. Competing over Islam.

скому дискурсу или экономическим интересам. Восточная специфика добавляет «магии». Пытаясь разобраться в хитросплетениях западнобалканской восточной политики, будем помнить и о непродуктивности сведения совокупности внешне-политических устремлений и действий ближневосточных игроков в регионе к сугубо исламскому дискурсу, и параллельно – о том, что к «мягкости» их религиозной силы нужно относиться со всей серьезностью.

Выводы

Восточные игроки пока не являются ведущими на Западных Балканах, но наращивают присутствие и влияние в регионе. Иран отчасти выступает исключением, однако он продемонстрировал гибкость в переносе влияния из торгово-экономической сферы в религиозно-идеологическую и культурную [Пономарева, Арляпова, 2024: 254, 257]. У этих игроков много объединяющих черт: исламская природа государственности, практически синхронный старт продвижения в регионе, изначальный фокус на местных мусульманских общинах и последующий отход от императива единоверия, схожие отрасли и методы внедрения, общие риски и проблемы. Основные отрасли восточных игроков – строительство и восстановление инфраструктуры (вначале – исламской, далее – любой), сельское хозяйство (в рамках обеспечения собственной продовольственной безопасности), туризм и недвижимость (с упором на элитную).

Однако отношения рассмотренных стран отличаются высокой состязательностью. «Треугольник силы» на Западных Балканах соответствует ближневосточному. Традиционное противостояние центров исламского мира дополнено частными случаями конкуренции КСА и ОАЭ, Кувейта и Катара, а также других комбинаций государств в рамках конкретных проектов в регионе. Турция с точки зрения комплексного присутствия и влияния в экономике, политике, общественном и религиозном дискурсах стоит ближе других по отношению к пятерке ведущих акторов на Балканах – Британии, ЕС, США, Китаю и России [Арляпова, Пономарева, 2023: 684]. Методы восточных игроков – это личные контакты на высоком уровне, крупные инвестиции и бонусные условия выхода из них для балканских бенефициаров. Денежно-экономическая составляющая выступает приоритетной в выстраивании партнерства. Это особенно характерно для государств Персидского залива и в меньшей степени применимо к Турции и Ирану.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов М.В. (ред.) (2022) *Историческая политика в странах бывшей Югославии*. Нестор-История, Санкт-Петербург. 512 с. DOI: 10.31168/4469-2069-3
- Димитровска А. (2019) *Деятельность международных террористических организаций в странах Западных Балкан*. Дис. ... канд. полит. наук. Москва. 269 с.
- Калоева Е.Б. (2017) Станут ли Балканы коридором для проникновения радикального ислама в Европу? *Проблемы европейской безопасности. Сб. науч. трудов ИНИОН РАН*. № 2. С. 173–187.
- Колот Б. (2021) Изменение балканской политики Турции в период правления Партии справедливости и развития: эффект А. Давутоглу. *Исторический журнал: научные исследования*. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.2.34817

Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. (2024) *Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: игроки и фигуры*. Проспект, Москва. 320 с.

Попадьева Т.И. (2021) Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии. *Обозреватель-Observer*. № 10 (381). С. 54–66. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_10_54.

Энтина Е.Г., Синопальников Н.С. (2020) Фактор арабо-мусульманского мира в развитии стран бывшей Югославии и Албании. *Современная Европа*. № 2. С. 131–142. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020131142>

Arlyapova E.S., Ponomareva E.G. (2023) Western Balkans: External Actors Before and During the Current Crisis. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 23. Issue 4. P. 678–688. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-678-688

Koppa M. E. (2021) Turkey, Gulf States and Iran in the Western Balkans: more than the Islamic factor? *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 29. Issue 2. P. 251–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/14782804.2020.1754769>

Kyuchukov L. (ed.) (2018) *Balkan Islam: A Barrier or a Bridge for Radicalization?* Friedrich-Ebert-Stiftung, Sofia, Bulgaria. 113 p. (Деятельность организации признана нежелательной на территории России).

Massey G., Hodson R., Seculić D. (1999) Ethnic Enclaves and Intolerance: The Case of Yugoslavia. *Social Forces*. Vol. 78. Issue 2. P. 669–693. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/78.2.669>

Rohtberg M. (2009) *Multidirectional Memory. Remembering in the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford University Press, Stanford, USA. 408 p.

Van Aarde T. A. (2018) The relation between religion and state in Islam and Christianity in the rise of ISIS. *In die Skriflig / In Luce Verbi*. Vol. 52. Issue 1. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.4102/ids.v52i1.2244>

Van der Walt B. J. (2007) *Transforming power: Challenging contemporary secular society*. Institute for Contemporary Christianity in Africa, Potchefstroom, South Africa. 441 p.

Middle East “Expansion” into the Balkans

E.S. Arlyapova

Candidate of Sciences (Politics)

Research Associate, Institute of System-Strategic Analysis (ISSA)

16, Kuskovskaya str., Moscow, Russia. 111398, E-mail: elena.s.arlyapova@gmail.com

E.G. Ponomareva

Doctor of Science (Politics)

Professor, Moscow State Institute of International Relations

(MGIMO University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454, E-mail: nastya304@mail.ru

Abstract. Middle Eastern players have been involved in the “Balkan game” at different times, but since the 1990s, all the key actors in the Islamic pool have been present on the regional agenda. They are most active in countries outside the EU political framework – Albania, Bosnia and Herzegovina, North Macedonia, Serbia, Montenegro and the partially recognised polity of Kosovo. At this stage, they are not entering into open competition for influence in the Western Balkans with the established leaders – the EU, USA, Russia, UK and China but are actively increasing their presence. The main areas of penetration remain economic (especially the monarchies of the Persian Gulf – UAE, Qatar, Kuwait, and Bahrain), cultural-ideological (Turkey and Iran), and religious (all Middle Eastern players). The nature of relations between external players in the Balkans is adversarial. Their strategies vary but have common features: the almost simultaneous start of promotion in the region, the initial focus on local Muslim communities and the subsequent departure from the imperative of unity of faith, similar industries and methods of implementation, common risks and problems associated with them. For the most part, preference in bi-

lateral interaction with the countries of the region is given to personal connections to the detriment of institutional, investment, and economic initiatives to the detriment of diplomatic work. Collaborative projects often lack transparency and are vulnerable to criticism and interference from more powerful external actors. However, the “soft power” policy of eastern actors is flexible and adaptive, which ensures their further consolidation in the Western Balkans.

Keywords: Western Balkans, Middle East actors, Iran, Turkey, Saudi Arabia, influence strategies, Islam in the Balkans, the Middle East “soft power”

DOI: 10.31857/S0201708324050103

REFERENCES

- Arlyapova E.S., Ponomareva E.G. (2023) Western Balkans: External Actors Before and During the Current Crisis, *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), pp. 678–688. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-678-688
- Belov M.V. (ed.) (2022) *Istoricheskaya politika v stranax by`vshej Yugoslavii* [Historical politics in the countries of the former Yugoslavia], Nestor-Istoriya, Saint-Petersburg, Russia. DOI: 10.31168/4469-2069-3 (In Russian).
- Dimitrovska A. (2019) *The activities of international terrorist organizations in the countries of the Western Balkans*, PhD. Dissertation, Moscow, Russia. (In Russian).
- Entina E.G., Sinopalnikov N.S. (2020) Faktor arabo-musul`manskogo mira v razvitii stran by`vshej Yugoslavii i Albanii [The Factor of the Arab-Muslim World in the Development of the Countries of Former Yugoslavia and Albania], *Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 131–142. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020131142> (In Russian).
- Kaloeva E.B. (2017) Stanut li Balkany` koridorom dlya proniknoveniya radikal`nogo islama v Evropu? [Will the Balkans be a Corridor for a Radical Islamism Influx into Europe?], *Problemy` evropejskoj bezopasnosti. Cb. nauch. trudov INION RAN*, 2, pp. 173–187. (In Russian).
- Kolot B. (2021) Izmenenie balkanskoj politiki Turcii v period pravleniya Partii Spravedlivosti i Razvitiya: E`ffekt A. Davutoglu [The Change in the Balkan Policy of Turkey during the Rule of the Justice and Development Party: The Effect of A. Davutoglu], *Istoricheskij zhurnal: nauchny`e issledovaniya*, 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.2.34817 (In Russian).
- Koppa M.E. (2021) Turkey, Gulf States and Iran in the Western Balkans: more than the Islamic factor?, *Journal of Contemporary European Studies*, 29(2), pp. 251–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/14782804.2020.1754769>
- Kyuchukov L. (ed.) (2018) *Balkan Islam: A Barrier or a Bridge for Radicalization?* Friedrich-Ebert-Stiftung, Sofia, Bulgaria.
- Massey G., Hodson R., Seculic D. (1999) Ethnic Enclaves and Intolerance: The Case of Yugoslavia, *Social Forces*, 78(2), pp. 669–693. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/78.2.669>
- Ponomareva E.G., Arlyapova E.S. (2024) *Zapadnye Balkany v preddverii i xode tekushhego krizisa: igroki i figury*. [The Western Balkans on the eve and during the current crisis: players and figures], Prospect, Moscow, Russia. (In Russian).
- Popad`eva T.I. (2021) Religiozny`j faktor formirovaniya grazhdanskoj identichnosti v Severnoj Makedonii [The religious factor in the formation of civic identity in North Macedonia], *Obozrevatel`*, 10(381), pp. 54–66. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_10_54 (In Russian).
- Rohtberg M. (2009) *Multidirectional Memory. Remembering in the Holocaust in the Age of Decolonization*, Stanford University Press, Stanford, USA.
- Van Aarde T.A. (2018) The relation between religion and state in Islam and Christianity in the rise of ISIS, *In die Skriflig / In Luce Verbi*, 52 (1), pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.4102/ids.v52i1.2244>
- Van der Walt B.J. (2007) *Transforming power: Challenging contemporary secular society*, Institute for Contemporary Christianity in Africa, Potchefstroom, South Africa.